ОГЛАВЛЕНИЕ

«...Не более как сын русского солдата» 5
Призвание — служба 26
В Туркестане 40
Из-за чего начинаются войны 66
В ожидании войны 90
Переправа 98
Хорошее начало — не всегда половина дела 107
Первая и вторая Плевна 112
Ловча 123
Третья Плевна 137
Блокада Плевны 183
Падение Плевны 200
Шейново 211
На Стамбул 232
Итоги войны 241
Война выиграна — кто победитель? 255
Последняя экспедиция 270
Претендент на престол? 281
Легенда России 320
Основные даты жизни и деятельности М. Д. Скобелева 337
Библиография 340
Примечания 342

«...Не более как сын русского солдата»

Петербург. 17 сентября 1843 года[1]. Часы собора Петра и Павла пробили полночь, отзвучал гимн, по булыжнику гулко прошагала смена караула. Крепость затихла, и только в доме коменданта во всех окнах горел свет и безмолвно суетилась прислуга. У дверей одной из комнат собралось почти все население комендантского дома. Вдруг тишину нарушил надрывный крик и через мгновенье раздался младенческий плач. Двери открылись, и женщина, вытирая руки о белоснежный передник, с улыбкой произнесла: «С сыночком вас, Дмитрий Иванович, а вас, Иван Никитич, с внуком». Счастливые отец и дед новорожденного, не сдерживая эмоций, крепко обнялись. Рождение первенца у поручика лейб-гвардии Кавалергардского полка Дмитрия Ивановича Скобелева праздновали буйно, с песнопениями, пальбой. На семейном совете долго решали, какое имя дать малышу.

Православный календарь в сентябре изобилует упоминаниями святых с именем Михаил, канонизированных церковью. Среди них первый митрополит Киевский, князья Черниговский и Тверской, архистратиг Михаил, поборник справедливости и добра. Может быть, это обстоятельство и повлияло на выбор имени. Решение назвать мальчика Мишей закреплено записью, сделанной при крещении в церковной книге Петропавловского собора.

Комендант Петропавловской крепости генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев, повесив над

люлькой шпагу с надписью «За храбрость», предопределил будущее внука. Малыш лежал тихо, запеленатый в атласное одеяло, в чепчике с ажурными кружевами. Изящная колыбель, убранная заботливыми материнскими руками, слегка покачивалась на шелковых полотнищах. Что вспомнилось в этот миг старому воину? Генерал от инфантерии не баловал близких рассказами о детстве и юности. Да и воспоминания носили безрадостный оттенок и лишь бередили душу. Ни в сытости, ни в праздности семья Скобелевых не жила, и главной заботой домочадцев была забота о хлебе насущном. Она, однако, не вытесняла из помыслов юноши мечты и надежды на будущее. Выбирать и творить его предстояло только самому. Возможно, Иван Скобелев разделил участь своих сверстников, если бы не боевое прошлое отца. В доме часто звучала песня:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!

Отставной сержант Никита Скобелев не единожды слышал победное ликование русских воинов и сохранил в памяти множество эпизодов из баталий. Рассказчиком он слыл отменным. И не потому ли в долгие зимние вечера в его избе, где светилась лампадка в красном углу, потрескивала лучина, за большим суковатым столом собирались деревенские ребятишки и, тесно прижавшись друг к другу, пошмыгивая носами, с нетерпением ожидали очередного повествования о славном времени, о походах и сражениях, о начальниках, с которыми приходилось делить ратные труды?

Странно, но даже в третьем томе «Русской родословной книги», куда занесен род Скобелевых (издание 1878 г.), отец Ивана Никитича упоминается без отчества. Исследователи генеалогических корней достопоч-

тенных российских семей в прошлом веке натолкнулись на преграду, которую создал не кто иной, как сам Иван Никитич, неоднократно заявляя, что родословная Скобелевых начинается с него[2].

Скрывать что-либо, по сути, не имело смысла. Количество однодворцев в России ежегодно пополнялось служилыми людьми, вышедшими в отставку. Небольшой надел земли и средства на обзаведение хозяйством давали возможность обустроиться в новой жизни. Личная свобода предполагала и свободу выбора супруги. Никита Скобелев связал судьбу с дочерью помещика Корева, жившего по соседству. В приданое за Татьяной Михайловной отставной сержант получил небольшую деревеньку Чернышино в Калужской губернии. Век главы семейства Никиты оказался недолгим, и он обрел вечный покой на погосте собственной вотчины. А вот Татьяна Михайловна дожила до глубокой старости. Умерла она в 1828 году, когда Ивану Никитичу исполнилось сорок шесть лет.

Иван был младшим сыном, и потому материнская любовь и нежность безраздельно принадлежали ему. Дорогой ее сердцу сыночек, шутливо называемый «поскребышем», был и ершист, и непоседлив, и охоч до новин. Матушка шаг за шагом открывала перед Иваном чудесный мир книги. И не беда, что книг-то было всего две — Библия да молитвенник, они поучали добросердечию, заложили в характере Ивана Скобелева христианское долготерпение. Матушкины труды, как мы убедимся далее, даром не пропали. Научив Ивана распевным молитвам, чтению и письму, она, дочь боевого офицера и жена солдата, сумела внушить сыну сызмальства и понятие о святости царской службы.

Царь. Вера. Отечество. В те далекие времена эти слова звучали совестливым наказом любому россиянину, и величина расстояния от столицы до глубинки

Российской империи, где проживали Скобелевы, вовсе не преуменьшала их значения. Ивану Скобелеву с юных лет были чужды праздность и благодушие, а слово «долг» прочно обосновалось в лексиконе простолюдина, ставшего впоследствии российской знаменитостью. А началось его восхождение к генеральским эполетам и аксельбантам с прошения о зачислении «в воинскую службу на казенный кошт», с котомки со ржаным караваем, с посоха и лаптей, которые отмерили долгий путь от села Новиковки Самарской губернии до Оренбургской укрепленной линии.

Вольноопределяющийся Первого Оренбургского пехотного полка Иван Скобелев пролил немало соленого пота, прежде чем заслужил скупую похвалу бывалых воинов. Заметило рвение юноши и начальство, в глазах которого Иван Скобелев был молодцом «твердым в правилах службы». Добиться признания у однополчан во многом помог и характер Ивана. Обладая незаурядным даром песенника, лихой танцор и балагур, он вносил особую живинку в суровое солдатское бытие. И даже тогда, когда Иван Скобелев чувствовал себя обойденным по службе, он не роптал и не предавался унынию. «За Богом молитва, за царем служба никогда не пропадет», — рассуждал Иван Скобелев, не имевший всемогущих родственных связей, и сам торил себе дорогу к признанию. Увы, все свершалось чересчур медленно. В 1795 году — он сержант. И лишь только в 1804 году Скобелев получил производство в первый офицерский чин. 1806 год был отмечен новым повышением — Иван Скобелев стал подпоручиком и был назначен полковым адъютантом 26-го егерского полка, которым командовал И. М. Эриксон. Именно с этим полком, выступившим в 1807 году в Пруссию, связано боевое крещение Ивана Скобелева. В реляции об успешном сражении под Петерсвальде имя Скобелева

упоминалось несколько раз, а наградой стал орден св. Анны IV степени[3]».

В феврале 1808 года русские войска перешли границу Финляндии. В любой войне стратегия и тактика определяют характер и способы боевых действий, но в этой войне вовсе не они являлись главенствующими. Неимоверная стужа, мрачные скалы, непролазные болота, свирепые ураганы проверяли на прочность боевую выучку и стойкость русского солдата. В соперничестве с противником и стихией он выстоял и победил. На заснеженных полях Скандинавии утверждались военные дарования П. И. Багратиона, Я. П. Кульнева, Н. Н. Раевского, М. Б. Барклая-де-Толли — военачальников, которые не обошли вниманием заслуг Ивана Скобелева. Из двадцати сражений, в которых он принимал участие, наиболее памятным был переход по льду Ботнического залива и взятие Аландских островов. Награды: золотая шпага с надписью «За храбрость» и орден св. Владимира IV степени[4].

Бой при кирхе Куортане стал последним для Ивана Скобелева в Шведской кампании — неприятельское ядро оторвало два пальца правой руки и сильно контузило в грудь. Генерал Раевский поручил лечение Скобелева домашнему доктору, а когда герой пошел на поправку, предложил должность старшего дивизионного адъютанта — на Дунае возобновилась затяжная война с Турцией. После штурмов турецких крепостей Шумлы и Силистрии Иван Никитич вынужден был подать в отставку «за ранами и увечьем, с мундиром и жалованьем». Орден св. Анны III степени Иван Никитич получил, находясь на излечении в столице. Император Александр I, подписавший рескрипт о награждении, к монаршей благодарности присовокупил солидное денежное вознаграждение и лично подыскал боевому офицеру место пристава в Московском округе

Санкт-Петербурга. Возможно, что с этим назначением навсегда завершилась бы военная карьера Ивана Скобелева, если бы не наступил 1812 год. Нехлопотная полицейская служба сразу стала постылой и тягостной. Знакомые незлобиво подшучивали над Иваном Никитичем: дескать, тот стал камер-пажом у князя А. И. Горчакова, который по отсутствии Барклая-де-Толли управлял военным министерством. Скобелев сутками пребывал в приемной и добился-таки своего. Михаилу Илларионовичу Кутузову, назначенному на должность главнокомандующего русской армии, требовался ординарец, и Скобелев стал сущей находкой для генерала от инфантерии.

Бородино, Тарутино, Малый Ярославец — названия мест, достопамятных для русской военной истории. Иван Никитич впоследствии не без гордости говорил о своем участии в славных сражениях Отечественной войны 1812 года. Когда русская армия вышла на берега Немана, откуда началось и печально закончилось наполеоновское нашествие, главнокомандующий недосчитался многих ординарцев. Скобелеву повезло. Из кровопролитных баталий он вышел цел и невредим, имея репутацию храброго и распорядительного офицера. Чин полковника и очередной орден св. Анны II степени стали признанием его заслуг.

В ходе кампании в штабе русской армии сложилось необычное трио. Главнокомандующий, Михаил Илларионович Кутузов, отлично знавший солдата и ценивший его ратный труд; Скобелев, дока по части меткого словца и излюбленных прибауток из солдатского лексикона, и московский ополченец Василий Жуковский, наделенный незаурядным поэтическим даром. Не оттого ли реляции подкупали простотой и правдивостью, а бюллетени находили горячий отклик у соратников, что составлялись они людьми, для которых слово «Отечество» не было пустым звуком?

События героические и незабвенные нашли отражение и в проникновенных поэтических строфах. «Певец во стане русских воинов» восклицал:

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — все пополам,
Там дружество без лести...

Среди множества услуг, оказанных Отечеству полковником Скобелевым, современники выделяли две. Ведь именно ему было суждено доставить в Санкт-Петербург останки спасителя России — М. И. Кутузова, князя Смоленского, скончавшегося в Бунцлау. Именно он, командуя Рязанским пехотным полком, поставил победную точку 18 марта 1814 года на высотах Монмартра в Париже, и именно в исполнении оркестра Рязанского полка, шефом которого Иван Никитич оставался до конца своих земных дней, прозвучал гимн российскому воинству «Гром победы, раздавайся!» Орденами св. Георгия IV степени[5], св. Владимира III степени, прусским «Георгием» отмечены заслуги Скобелева в освободительном походе.

До 1831 года Иван Никитич, по его собственным словам, «исполнял обязанности и по высочайшим повелениям был употребляем по разным поручениям». К тому времени он имел чин генерал-лейтенанта, несколько лет командовал дивизией и на одном из смотров, который проводил Николай I, заслужил монаршую похвалу. Фанатичную преданность службе доказывают строки из письма императору: «Мне стыдно умереть под кровлей, ретивое сердце мое должно умереть на полях славы за Вас, в пример и науку преемникам, иначе чаша счастья не будет полна».

Письмо, написанное в разгар польского восстания, не осталось без ответа. Генерал получил под свое коман-

дование бригаду. Примечателен один из боевых эпизодов сражения, которое произошло под Минском. Едва генерал приготовился крикнуть: «В штыки!» — как неприятельское ядро раздробило ему левую руку. Пришлось ее ампутировать. Причем во время операции Иван Никитич сидел на барабане и диктовал последний приказ. В нем имелись и такие слова: «Для меча и штыка к защите прав батюшки белого царя и славы святого нам Отечества... и трех по милости оставшихся у меня пальцев с избытком достаточно...»

«Русским инвалидом» стал называть себя генерал, этим же псевдонимом подписывал свои рассказы, повести и пьесы. Свои литературные труды Иван Никитич оценивал весьма скромно. «Примусь писать историю собственной жизни, с полной откровенностью обрисую сцены со всеми окрестностями и, оградясь законной десятилетней древностью, черкну смело за целые полвека о себе и о товарищах, хорошее и дурное. Положим, что мой труд не принесет пользу человечеству, по крайности я оставлю по себе в наследство горящую истину о предметах, коротко и близко мне известных». В литературной жизни России тридцатых — сороковых годов девятнадцатого века появление произведений «Русского инвалида» стало подлинным событием.

Не блеск и изящество фразы влекли читателей и любителей театра сочинения Ивана Никитича Скобелева, а живой народный язык, искренность и правдивость. Вот как, например, откликнулся на первую книгу «Русского инвалида» известный поэт И. Н. Веревкин:

Я прочитал твои рассказы
О Бонапарте, о войне.
И живы давние проказы,
И буйно кровь кипит во мне!
Твой слог могуч, огнист и ярок,
Как схватка коршуна с орлом:

И днесь тебе за твой подарок
Бьет войско русское челом.

Оставшимися тремя пальцами были написаны пьесы «Кремнев — русский солдат» и «Сцены в Москве в 1812 году». Первая — в сезон 1839–1840 гг. выдержала на сцене Александрийского театра тринадцать представлений, второй спектакль имел меньший успех, но и он не оставлял зрителей равнодушными.

В 1839 году Иван Никитич, пользовавшийся неизменным расположением императора Николая Павловича, получил предложение занять должность коменданта Санкт-Петербургской крепости. Исправный служака не посмел отказаться от столь почетного поста. Добрейший комендант (по Н. С. Лескову) успешно сочетал государеву службу с обширной литературной деятельностью и оставил весьма заметный след в литературной жизни Санкт-Петербурга.

В комендантском доме, за столом у гостеприимного хозяина, собирался цвет литературной столицы России. С. Н. Глинка, Н. В. Кукольник, К. А. Полевой, А. В. Никитенко, Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч за хлебосольными обедами обсуждали новые произведения, читали стихи и отрывки из пьес, оживленно спорили об их достоинствах и недостатках. В записках И. С. Тургенева читаем: «Скобелев — памятная фигура, с отрубленными пальцами, смышленым, помятым, морщинистым, прямо солдатским лицом и солдатскими же совсем наивными ухватками».

Последние годы жизни «втиснувшийся в литераторы» генерал от инфантерии провел сибаритствуя, воспитывая внука. Скончался Иван Никитич 19 февраля 1849 года. Как отмечалось в печати, «старику Скобелеву были устроены похороны, достойные фельдмаршала».

Мнения современников об Иване Никитиче и его литературном даровании разделились. Но все сходились

в одном и бесспорно признавали, что генерал, служа верой и правдой царю и Отечеству, был необычайно заботлив о солдате, почитал российского воина «как имя знаменитое, существо, достойное уважения и любви». В известной истории 1821 года в лейб-гвардии Семеновском полку генерал осмелился защищать «бунтовщиков». Продолжительная опала стала результатом его высказывания, что «полиция собственно армии не надобна». Так он оберегал честь и достоинство солдата, что и завещал сыну Дмитрию.

Иван Никитич был женат дважды. Первый брак оказался неудачным и бездетным. От второго брака с Надеждой Дмитриевной, в девичестве Дуровой, генерал имел девять детей, из которых только дочь Вера Ивановна[6] и сын Дмитрий Иванович достигли зрелого возраста.

Дмитрий Иванович вступил в жизнь, имея потомственное дворянство, полученное отцом за ратные подвиги, и вовсе не ощущал недостатка в средствах. Одного лишь упоминания имени генерала от инфантерии, который пользовался неизменным расположением Николая I, оказалось достаточно, чтобы перед Скобелевым-младшим распахнулись двери привилегированного кадетского корпуса. Дмитрий Иванович от природы был крепок, статен, обладал практичным умом и довольно легко освоил азы военной науки. Удача, казалось, сама шла ему в руки — после выпуска молодой офицер был зачислен в свиту императора. Это ли не стремительное начало военной карьеры!

Иван Никитич наставлял «не употребившего собственного труда» сына: «Однако не нужно гордости соблазна, могущего тебя учинить индийским петухом, советую тебе не забывать, что ты не более как сын русского солдата». И слова эти нашли отклик. Рассказы отца влекли к жизни деятельной, боевой, и Дмитрий

Иванович вскоре без сожаления расстался с беззаботной жизнью свитского. Лишь только прозвучали первые выстрелы на Кавказе, объявив начало очередной кампании против Турции, Дмитрий Иванович отправился на юг. В аттестациях на ротмистра Скобелева, составленных после войны, перечислены многие сражения, где молодой офицер превзошел отвагою бывалых воинов. Солдаты полюбили его за неизменную заботу. Начальство же ценило за удаль, распорядительность и бережливость на солдатскую кровь. Крымскую войну 1853–1856 годов Дмитрий Иванович закончил, имея ордена св. Георгия IV степени, Анны II степени и Владимира III степени, а рядом с отцовской шпагой с надписью «За храбрость» появилась еще одна.

В личной жизни Дмитрию Ивановичу, несомненно, повезло. Женился он по любви на дочери Николая Петровича Полтавцева — Ольге Николаевне. Другую дочь, Марию Николаевну, преуспевающий московский помещик выдал за графа Александра Владимировича Адлерберга[7]}. Свояки, Скобелев и Адлерберг, дорожили семейственностью и по мере сил оказывали взаимные услуги, укреплявшие родство. Ольга Николаевна внесла в дом Скобелевых душевное обаяние, мягкость и доброту характера, умение сглаживать семейные конфликты, заботу и внимание к Ивану Никитичу, страдавшему от ран и иногда подолгу не покидавшему постель в петербургскую непогодицу.

Выпускница Смольного института, воспитанная в лучших традициях женской добродетели, она слыла в столичных кругах женщиной высокообразованной, свободной во взглядах и суждениях. Кроме сына Михаила Ольга Николаевна родила Дмитрию Ивановичу трех дочерей: Надежду, Ольгу, Зинаиду. Все чаяния о продолжении рода Скобелевых Дмитрий Иванович связывал с сыном. Имея характер суровый и крутой,

проповедуя аскетизм, он принял решение воспитать Михаила настоящим мужчиной.

Хотелось бы заметить, что мы лишены возможности подробно осветить детство и юность Михаила Дмитриевича Скобелева и тем самым дать полную картину становления его как личности. Сам Скобелев, с неохотой вспоминавший о детских годах, не позаботился хотя бы штрихами обозначить наиболее запомнившиеся моменты. Обилие литературы о Скобелеве — обманчиво. Портрет нашего героя, мотивацию поступков зачастую приходится попросту домысливать. В круговерти драматических событий (революция, гражданская война) семейный архив Скобелевых, не единожды менявший владельцев, оказался вне пределов России, и все попытки заполучить и изучить его закончились безрезультатно. Увы, гробовое молчание хранят и государственные архивы. Из них неведомая рука с особой тщательностью и скрупулезностью отобрала и изъяла бесценные документы. Бесследно исчезли послужные списки Скобелева, подлинники приказов, решения Государственного совета, медицинский акт о вскрытии и многое другое, что могло бы пролить свет на загадочную смерть генерала от инфантерии.

И все же попытаемся по крупицам восстановить обстановку, в которой жил и воспитывался наш герой. Пока был жив дед, воспитанием Миши занимались он сам и друг семьи Скобелевых, ключарь Петропавловского собора Григорий Добротворский, личность не менее примечательная, чем Иван Никитич. Огромный лоб, окладистая борода, могучий рост и сильный, заставлявший колебаться пламя свечей, голос. С его появлением дом наполнялся шумом, шутками. Маленький Миша с большим нетерпением ждал, когда дед и его друг усядутся в кресла и начнут рассказывать забавные истории, а потом, к великой радости, на его глазах разы-

грают спектакль, в котором непременным участником становился и он сам. Можно представить, что это были за спектакли. Дядька Григорий, водрузив крестника на спину, с могучим «ржанием» скакал по большому дому, не жалея коленей. Дед, обладавший незаурядным даром перевоплощения, удачно изображал то турецкого пашу, из-под чалмы которого выглядывали испуганно бегавшие глазки, то коменданта Парижа, сдающего ключи от французской столицы. Завершая «сражение», неразлучная троица дружно распевала:

Взвейтесь, соколы, орлами!
Полно горе горевать.
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Разве в юной душе не запечатлелись эти импровизированные баталии? Разве детское сердечко не билось учащенно, внимая рассказам о пути, пройденном Россией? Разве уроки доброты и справедливости, полученные Михаилом в детстве, прошли бесследно? Конечно, нет! Добавим, что Скобелевы презирали барство, не чурались домашнего труда, были доступны и открыты для тех, кто обеспечивал им благополучие и комфорт. Уважение к простому человеку Михаил, можно сказать, впитал с молоком матери.

Иван Никитич умер, когда Михаилу исполнилось шесть лет, а с ним навсегда ушло радостное беззаботное время. Мальчик горько переживал его смерть и тосковал возле свежей могилы у ограды Петропавловского собора, где по традиции хоронили комендантов крепости.

Оправившись от переживаний и покинув обжитой дом, Дмитрий Иванович поспешил заполнить педагогический вакуум, образовавшийся вокруг сына, и остановил свой выбор на немце гувернере, которого

присоветовал ему сослуживец. Доводами к такому шагу послужили прежде всего известная педантичность и внутренняя дисциплина, присущие немецкой нации. Вдобавок немец, имя которого так и осталось неизвестным, на собственной шкуре познал несложную прусскую армейскую педагогику, в которой подзатыльники и розги были надежными средствами воспитания в духе неукоснительного повиновения.

Как же складывались отношения воспитателя и воспитанника? Немец жаловался отцу и матери на короткую память Михаила и «удлинял» ее своим, изуверским способом. Удары розог, вызывавшие молчаливые слезы, то и дело слышались из комнаты, где производилось учение. Мать безуспешно пыталась воздействовать на Дмитрия Ивановича, в общем-то считавшегося с мнением жены, чтобы оградить сына от жестокостей гувернера. Но он оставался непреклонным и прекращал разговор о воспитании сына одной фразой: «По мне, лишь бы дело шло». И оно продвигалось, как ни странно.

Михаил основательно овладел немецким и французским языками, неплохо музицировал, приобрел навыки светского общения. Наконец-то и пребыванию изверга-гувернера в доме Скобелевых был положен конец. Михаилу в ту пору исполнилось двенадцать лет. По обыкновению семья с прислугой выезжала на лето в Спасское, родовое имение Скобелевых на Рязанщине. Скобелевы жили с соседями дружно, наезжали к ним с визитами и устраивали у себя хлебосольные приемы на православные праздники. На одном из них Михаилу приглянулась соседская девочка. Как правило, мальчишки в этом возрасте почти все безнадежно влюблены и полны рыцарских побуждений. И когда в присутствии избранницы оскорбляют, ну, например, награждают обычным тумаком, то разве это в состоянии выдержать юная душа? Конечно, нет! На тумак последовал ответ: